

Ливень, будто наигравшись вдоволь, стал понемногу стихать, отпуская путников, спешащих в дорогу.

Но небо так и не прояснилось. Тучи тихо нависали, веяло прохладой, и казалось, будто в их безмолвии таится какой-то замысел.

Дорога, размокшая и вязкая, тормозила движение повозки, но всё же можно было ехать.

Последние дни Се Тин Юэ был особенно заботлив к Чу Му: то щупал ему лоб, то кутал в одежду, то просил принести ещё что-то, гоняя слуг туда-сюда. Служанка Инь Синь крутилась как белка в колесе, и была всегда напряжена, как натянутая тетива. К счастью, всё обошлось — здоровье Чу Му не ухудшилось, ни жара, ни иных недомоганий не появилось.

А вот у Цинь Пина и брата Дуна дел было немного.

После многократных наблюдений, убедившись, что опасность миновала, Се Тин Юэ и Чу Му попросту отправили их поочерёдно разузнавать новости.

О внутренних делах семьи Сяо, находясь в столице, было трудно разузнать, а теперь, добравшись до уезда Цин, это стало гораздо проще.

Повозка медленно катилась вперёд и судя по расстоянию, вскоре они должны были добраться до места, где проживала семья Сяо.

Се Тин Юэ смотрел на мокрый, блестящий от дождя пейзаж за окном слегка нахмурившись. Его охватило лёгкое волнение.

Дело было не только в незнакомом месте и неопределённых обстоятельствах, что могли ожидать их впереди, но и в мрачной, гнетущей погоде.

Вскоре этому месту предстояло пережить наводнение, какое случается раз в столетие, вызванное небывалыми, беспрерывными ливнями.

Се Тин Юэ лишь знал, что в прошлой жизни это случилось, но тогда он находился далеко, в столице, увязший в бесконечных хлопотах, и не участвовал в этих событиях лично. Когда именно началось наводнение, насколько велик был его размах, сколько оно длилось и какие принесло последствия — он не знал. Лишь потом, он узнал об этом, из случайных разговоров окружающих. Он так и не смог разобраться, были ли слова праздных завсегдаев чайных лавок притворным сочувствием или нарочитым преувеличением.

Здесь он мог полагаться лишь на себя — что сделать, чего достичь, всё зависело только от него.

— Госпожа?.. Госпожа?

— М-м?

Се Тин Юэ опомнился, встретился взглядом с Чу Му и только тогда заметил, что своим недавним замешательством успел его встревожить.

— Всё в порядке, просто задумался... — Се Тин Юэ огляделся и, понизив голос, прошептал: — Откуда ты узнал, что на третьем этаже кто-то жил, да ещё и сбежал? А Лу Ли пошёл дальше и вовсе заявил прямо, что это...

Он беззвучно сложил губы, обозначая слова «принц Ли».

Чу Му улыбнулся:

— А разве ты сам не сразу понял про третий этаж? Ещё и лично полез в самое пекло, разыгрывая сцену.

В словах слышалась лёгкая обида...

Се Тин Юэ внимательнее всмотрелся в его лицо и, конечно, заметил, что улыбка не доходила до глаз, в ней таилось и лёгкое неодобрение, и тень обиды.

Се Тин Юэ: «...»

Неодобрение он ещё понимал, но с чего вдруг Чу Му обиделся?

Его тут упрекают, а ведь он ещё даже не успел обидеться!

— Госпожа, не поступай так больше, — Чу Му взял его за руку. — Я буду волноваться.

Се Тин Юэ:

— Отпусти.

— Не отпущу.

— Отпусти.

— Не отпущу.

Се Тин Юэ закрыл глаза:

— Как я тебе налью чай, если ты так делаешь?

— Чай... Ладно.

Чу Му послушно отпустил его руку и, улыбаясь, стал ждать чай, с совершенно расслабленным видом.

Выглядел он так, словно выдохнул с облегчением. Только что он думал, что обязательно нужно крепко держать Се Тин Юэ за руку, иначе тот рассердится и в обиде уйдёт.

Се Тин Юэ: «...»

Он решил вернуться к основной теме:

— Нас разделил дождь из стрел, вы не могли подняться на третий этаж и лично посмотреть. Тогда как вы это поняли?

— Как только мы добрались до постоялого двора, я и Лу Ли сразу почувствовали, что что-то не так.

— Так рано?

Чу Му кивнул:

— Постоялый двор в глуши, да ещё не в какой-то особый сезон, поэтому случайных путников немного... Так почему же, стоило пойти дождю, как двор вдруг оказался полон, и свободных комнат не осталось?

Се Тин Юэ задумчиво произнес:

— Верно.

Чу Му продолжил:

— Говорили, что постоялый двор был полон, а с третьего этажа при этом не доносилось ни звука.

— И всё? — уточнил Се Тин Юэ.

— Конечно, нет, — улыбнулся Чу Му. — У каждого из нас, в силу происхождения, среды, в которой мы росли, воспитания, в привычках и манерах остаются характерные черты своей социальной группы. Обычные люди не замечают признаков и распорядка тайных выездов императорских особ, а Лу Ли к ним привычен. К тому же, если вспомнить последние новости из столицы и тот переполох, что устроил принц Ли — смелая догадка напрашивалась сама собой. Оставалось лишь внимательно осмотреться на месте, сверить пару деталей — и сомнений уже не осталось.

Се Тин Юэ кивнул.

Да, верно. Лу Ли, при всей своей кажущейся болтливости, был человеком внимательным и умным. Если даже он смог кое-что заметить, как мог другой человек этого не понять?

— Ну, а ты?..

— А я — другой, — улыбка на лице Чу Му стала ещё глубже, он произнёс неторопливо. — Я просто лучше понимаю госпожу.

Се Тин Юэ широко распахнул глаза.

Чу Му:

— В каких обстоятельствах госпожа примет то или иное решение, на что пойдёт и к какому результату будет стремиться... всё это я знаю.

Уши Се Тин Юэ мгновенно покраснели.

Хотя слова были абсолютно нормальные, стоило Чу Му их произнести и они прозвучали двусмысленно, как заигрывание, заставляя уши гореть, а сердце трепетать.

Се Тин Юэ решительно отвернулся, избегая его взгляда. И лишь спустя некоторое время он заговорил снова:

— Тогда... почему он оказался в такой опасности? Кто хотел его убить?

Чу Му, подперев щеку и слегка усмехнувшись, перестал дразнить смущённую госпожу и серьёзно сказал:

— Возможно, члены императорской семьи, получая богатства и славу, вызывающие зависть у

других, одновременно расплачиваются за это рисками, непостижимыми для посторонних.

Слова были сказаны негромко, без намёка на особый смысл, но Се Тин Юэ всё же уловил в них едва заметную, особую интонацию.

— Но? — он посмотрел на Чу Му.

Тот опустил взгляд:

— Но произошло ли это именно по этой причине или по иной, тебе и мне, простым людям, не дано знать.

Се Тин Юэ понял, что имел в виду Чу Му.

Императорская семья властвует над страной, и её власть не знает равных. Но всегда найдутся те немногие, кто с этим не согласен. А раз есть несогласные — будут и смуты. Разве не так зарождаются покушения — разные по размаху, но одинаково смертоносные? В напряжённые времена, если самого императора достать невозможно, цель выбирают среди его приближенных. И кто же страдает в первую очередь? Конечно, члены императорской семьи.

Принц Ли был праздным принцем, однако благодаря своей верности он был близок к императору. Стать мишенью в таком случае вполне возможно. Но ведь в его жилах текла кровь с тем же родовым именем, а величие императорской власти, исходящее от тронного зала, обладает смертельным притяжением. Был ли он действительно просто праздным принцем, никогда не помышлявшим о смуте?

Впрочем, для простолюдина подобные размышления — лишь лишённое смысла беспокойство. Расстояние было слишком велико, и попросту невозможно было разглядеть всё ясно. Се Тин Юэ решил попросту отказаться от этих мыслей и переключился на своего «близкого друга» Лу Ли:

— То, что Лу Ли так поспешно уехал, связано с этим делом?

— Не связано... и в то же время связано, — Чу Му покачал головой, а затем кивнул. — Его служебные дела к принцу Ли отношения не имеют. Но приезд знатного родственника императора всё же повлияет на атмосферу в здешнем чиновничьем кругу. Так что лучше закончить дела побыстрее и тогда можно будет спокойно вздохнуть.

Значит, вон оно как.

Се Тин Юэ всё понял. Принц Ли ещё даже не прибыл в уезд Цин, а уже поднялся такой шум. Местные чиновники, конечно, не могли совсем ничего не услышать. А услышав, сразу начнут нервничать. Как принимать? Нужно ли принимать вообще? Не обернётся ли это

неприятностями? Следует ли завязать знакомство и сделать подарок, а если да, то какой? Все эти разные соображения в умах чиновников должны пройти сотни витков раздумий, и потому другие дела будут откладываться. Так разве Лу, приехав сюда по службе, не задержится? А если не повезёт, так ещё и столкнётся с чередой мелких неприятностей.

— Надеюсь, у него всё пройдёт гладко, и через пару дней он закончит дела и вернётся.

— За два дня не закончить, — усмехнулся Чу Му. — Дела, касающиеся соляного пути, очень уж хлопотные.

Се Тин Юэ замер.

Соль?

Он вовсе не собирался выведывать секреты, но, очевидно, и Чу Му, и Лу Ли умели соблюдать границы и доверяли ему, не намереваясь ничего скрывать.

— Уезд Цин занимает особое географическое положение, — объяснил Чу Му. — Это ключевой узел по пути на юг, центр водных путей. И с рисом, и с солью здесь легко возникают проблемы. Раньше здесь хозяйничали могущественные банды, а также бесчисленное множество крупных и мелких группировок — перевозчики риса, соляные торговцы, речные и озёрные банды. Контрабанда солью процветала. Лишь благодаря усилиям двух поколений императоров порядок удалось навести. О полном контроле говорить трудно, но крупных неприятностей уже нет. Каждый год двор направляет сюда людей для инспекции и тайных проверок. Лу Ли приехал именно с этой целью.

Голос Чу Му был тёплым и мягким, объяснение — предельно ясным. Так как в голове Се Тин Юэ уже были опасения, услышанное невольно вызвало у него ассоциации.

Соль, рис...

Могущественные банды...

Массовая контрабанда соли...

— В конце концов, это ведь был не официальный, открытый бизнес. Раньше, когда эти люди вели свои дела, разве им не приходилось искать чьей-то помощи? — Се Тин Юэ прищурился. — Например, кого-то из столицы, кто имеет небольшое, но заметное влияние и может замолвить слово в нужных местах.

Чу Му чуть приподнял бровь, затем понял:

— Ты имеешь в виду семейные счета?

Се Тин Юэ кивнул, задумчиво нахмурившись:

— А ты как считаешь?

Чу Му помолчал, затем усмехнулся:

— Иного предположения у меня нет. Возможно, всё и правда обстоит именно так.

Они давно ломали голову над происхождением старого долга, но всё никак не могли найти верного направления. В договоре это было указано расплывчато. Семья Чу предоставляла определённую защиту, а семья Сяо в конце года вносила плату. В старых, накопившихся за годы счетах эта сумма была весьма большой, но потом резко пошла на убыль, а теперь и вовсе исчезла. Что это за «защита»? Почему оплата указана столь расплывчато, без конкретной суммы? То ли сумму трудно было определить точно, то ли о ней и вовсе нельзя было говорить вслух.

Семья Чу всегда крепко стояла в столице, и её связи, сеть знакомств тоже сосредоточены в столице. Когда-то одна из дочерей даже стала наложницей императора. Что касается связей на местах — честно говоря, они слишком ничтожны, чтобы члены семьи Чу удостоили их хотя бы взглядом. Так что же такого особенного было в этом небольшом уезде Цин, что он заслужил их внимание и готов был преподнести «знаки почтения»*?

*П.п. «Знаки почтения» — эвфемизм для взяток или щедрых подарков.

С рисом всё было относительно просто. В конце концов, народ считает пищу своим небом*, и такую торговлю можно вести вполне открыто. А вот с солью так не выйдет.

*П.п. «Народ считает пищу своим небом» — означает, что для народа пища — самое главное.

Словосочетание «контрабандная соль» несёт в себе смертный приговор. Но торговля, связанная с солью, испокон веков приносила баснословные прибыли.

Се Тин Юэ понимал, что его догадки слишком вольны и невероятны, но не имея других зацепок, он допускал, что это может быть единственным направлением.

А теперь, когда Чу Му даже признал такую возможность, он решился мыслить смелее. Если это и вправду так — значит, перед ним огромная пропасть. Что же ему делать? Как вести разговор с семьёй Сяо?

Мысли в голове не останавливались, и повозка тоже продолжала свой путь.

Неизвестно, сколько времени прошло, прежде чем Чу Му сжал руку Се Тин Юэ и сказал:

— Уже совсем рядом.

Се Тин Юэ повернул голову к окну.

До городского центра было недалеко. Место походило то ли на специально благоустроенную окраинную улицу, то ли на скопление деревень. Дома и строения здесь были новыми, и всё производило приятное впечатление.

Предки семьи Сяо когда-то были разбойничьей шайкой. Объединившись с другими главарями, они превратились в местных заправил и вели себя крайне властно и дерзко. Любой чужак, любое постороннее дело или торговля — всё должно было пройти через их одобрение.

Позже времена изменились — наступили спокойные времена. Образ жизни младших поколений стал сильно отличаться от уклада предков. Теперь они все стали законопослушными людьми. Кто-то учился, кто-то обрабатывал землю, ничем не отличаясь от прочих обычных людей. Сегодня они живут здесь сплочённо, пустив корни и превратившись в настоящий родовой клан.

Единственное отличие заключалось, пожалуй, в особой сплочённости и способе передачи традиций. В некоторых делах они и сейчас следовали привычкам предков, строго соблюдая старые порядки.

После того как разбойничий путь был оставлен, их собственный фундамент оказался слишком слабым, и добиться успеха в разных сферах было непросто. Теперь люди из семьи Сяо и землю пашут, и книги читают, и торговлей занимаются, но чиновников среди них так ни одного и не появилось. К счастью, семья отличалась огромной сплочённостью: их никто не смел притеснять, и жизнь у них шла вполне сносно.

Этой информации приезжие, конечно, не знали, но стоило заглянуть в любой чайный домик и послушать местные хвастливые разговоры и сразу всё становилось ясно.

Повозка остановилась, и снаружи брат Дун поставил скамейку. Се Тин Юэ и Чу Му один за другим сошли на землю.

Как только они ступили на землю, то ощутили неладное. Се Тин Юэ наклонил голову и прислушался:

— Кажется... что-то происходит?

Раз он мог это услышать, то остальные тем более. Особенно Цинь Пин, обладающий обострёнными чувствами, он сразу сообщил более точные сведения:

— Впереди ругаются.

Чу Му взял Се Тин Юэ за руку:

— Пойдём, посмотрим.

— Погода резко изменилась, боюсь, грядёт беда. Яйца шелкопряда нужно перенести на возвышенность!

— Погода и так холодная, а яйца шелкопряда такие хрупкие. Стоит их опрометчиво перенести — большая часть непременно погибнет! И какой же тогда будет урожай?

— Но если не перенести, и придёт беда, яйца всё равно погибнут.

— Кого ты тут пугаешь? Всего лишь дождь, ну и что, что сильный? С чего это ты так струсил?! Сяо Юнь Фэн, да ты, похоже, и сам уже не знаешь, как пишется твоя фамилия! Совсем забыл храбрость, что была у предков! Говорю тебе: не выйдет. Уговаривать других — твоё дело, но я, Сяо Вэнь Шу, человек образованный и воспитанный, не хуже других. Наши яйца шелкопряда с места не сдвинутся. Захочешь их тронуть — сначала переступи через мой труп!

— Сяо Вэнь Шу, ты знаешь наши семейные правила. Пока ты носишь фамилию Сяо, ты обязан подчиняться мне, главе рода. Сегодня ты перенесёшь яйца шелкопряда, хочешь ты того или нет.

— Не подчинюсь! Если хочешь умереть — умирай сам. С какой стати ты тащишь за собой нас?!

...

Впереди двое спорили — переносить ли яйца шелкопряда, и обстановка была напряжённой.

Се Тин Юэ пригляделся и быстро понял, кто есть кто.

Слева стоял высокий и рослый молодой мужчина с суровыми чертами лица, чтобы свободнее двигаться, он заправил края одежды за пояс. Это был нынешний глава рода Сяо — Сяо Юнь Фэн, именно тот, кого он и искал.

Одних только его недавних слов хватило, чтобы понять: человек он решительный и твёрдый по характеру, обладающий лидерской силой. В нём было больше прямоты, чем хитрости, и он был человеком со своим мнением, который никогда не станет плыть по течению.

Напротив него стоял Сяо Вэнь Шу — выглядел он заметно слабее. На нём был длинный халат

учёного, кожа белая и чистая, манеры утончённые, с явным налётом книжной учёности. С первого взгляда было ясно — он из тех, кто целыми днями сидит в комнате за книгами. Только вот в его позе... сквозила лишь показная смелость, скрывающая внутреннюю слабость.

Дело было не в том, что Се Тин Юэ обладал таким острым взглядом, что мог видеть людей насквозь. Скорее в другом: внешность Сяо Вэнь Шу показалась ему слегка знакомой.

Его несносный, непослушный младший брат часто ссорился с ним, и выражение лица у него тогда было точно такое же. Пользуясь тем, что он не станет бить или ругать его слишком строго, он позволял себе дерзость и своеволие: даже без повода умудрялся поднять шум, а уж имея повод — чувствовал себя непререкаемо правым.

Двое спорили весьма ожесточённо, и атмосфера была напряжённой. Вокруг собралось много людей из рода, но все молчали, не произнося ни слова.

Взгляд Се Тин Юэ обвёл всё вокруг и внезапно застыл.

На месте происшествия неожиданно оказались знакомые люди!

Там была встреченная им ранее госпожа Жоу, а рядом его старший брат Се Тин Жи. Между ними не было никакой близости, и стояли они не слишком близко друг к другу, но оба находились на стороне Сяо Вэнь Шу, и с первого взгляда было ясно, что они его сторонники.

Почему они повсюду?!

Се Тин Юэ почувствовал лёгкое раздражение.

Он не боялся Се Тин Жи, но когда перед глазами всё время жужжит муха — разве это приятно?

Ладонь вдруг стала тёплой — это Чу Му несколько раз сжал его руку.

Се Тин Юэ опустил голову и увидел, как Чу Му быстро подмигнул одним глазом, и с двусмысленной улыбкой сказал:

— Не бойтесь, госпожа. Если он посмеет буйнить, ваш муж с ним разберётся.

Се Тин Юэ тут же метнул косой взгляд:

— И как же ты с ним разберёшься? Пощёчинами?

Улыбка Чу Му стала ещё шире, и этим он явно признал сказанное. Он выглядел так, словно для него было честью заступиться за свою жену...

Се Тин Юэ молча потер лоб.

Народу здесь было слишком много, и позориться лишний раз не стоит.

Он знал, что Чу Му далеко не всегда вёл себя как благородный муж, но всё же надеялся, что их образ в глазах людей не разрушится. И хотелось верить, что его невезучий старший брат сегодня хоть немного понял, как надо себя вести.

Тем временем спор разгорался всё сильнее и уже подходил к своему пику — начали всплывать старые обиды. Голос Сяо Вэнь Шу зазвучал резко и сурово:

— Перестань давить на меня семейными правилами! Сейчас уже совсем другие времена — кто ещё поведётся на это?! Моё есть моё! С чего ты решил, что можешь распоряжаться?! Когда умер мой отец, моей матери пришлось тащить меня одного, ей было нелегко. Сколько добра из моего дома ты присвоил себе — разве этого тебе мало? А теперь ты ещё хочешь ограбить меня! Пока я не потеряю всё, ты не успокоишься, да?!

Сяо Юнь Фэн нахмурился:

— Смерть твоего отца была для всей семьи большой утратой. То имущество было выделено вам лишь для поддержки жизни. Так постановил род, и было решено временно отдать его вам в пользование. Было условлено, что по истечении срока вы вернёте это имущество, и договор вы тогда подписали. Почему ты до сих пор так упорно цепляешься к этому делу?

— Моя мать умерла, так что теперь всё, что вы скажете, становится правдой! — Глаза Сяо Вэнь Шу полыхнули злобой. — Я знаю, ты терпеть меня не можешь. Разве не потому, что я учился чуть лучше тебя? Таким образом ты мне мстишь, прикрываясь своим положением! Сяо Юнь Фэн, сам себя спроси — достоин ли ты быть главой рода?!

Сяо Юнь Фэн чуть не рассмеялся от злости:

— Значит, я недостойн, а ты достоин?

— Я... я такого не говорил!

Пока двое яростно спорили, госпожа Жоу, стоявшая в стороне, вышла вперёд:

— Господин глава, умоляю, пощадите моего двоюродного брата!

Она со стуком рухнула на колени перед Сяо Юнь Фэном, и жалобно зарыдала:

— Мой двоюродный брат всецело посвящает себя учёбе и экзаменам, а на внешние дела вовсе не обращает внимания. Он очень вежливый и порядочный человек, умеет довольствоваться малым и быть благодарным. Ему достаточно лишь крыши над головой и трёх приёмов пищи в день, и он будет счастлив. Он ничем не сможет вам помешать. А если в будущем получит должность чиновника, то будет поддерживать и помогать роду. Молю главу — ради будущего рода не доводите дело до крайности, не давите больше на него!

Слова её звучали трогательно и разумно. А если учесть и расчёт на будущее, да ещё прибавить к этому её лицо — прекрасное, как цветок, и заплаканное, словно цветущая груша под дождём, — впечатление оставалось неизгладимое.

Сяо Юнь Фэн нахмурился:

— Дела семьи Сяо посторонних не касаются.

И даже перед такой красавицей он не проявил ни капли жалости.

Лицо госпожи Жоу слегка порозовело. Опустив взгляд, она обнажила белоснежную, изящную линию шеи:

— Мы с моим двоюродным братом уже давно обручены...

— Поженились уже? — перебил Сяо Юнь Фэн.

Госпожа Жоу опустила голову ещё ниже и слегка покачала ею.

— Раз брака ещё не было, значит, ты не из семьи Сяо, — отрезал он.

Его непреклонность заставила девушку сильно покраснеть и смутиться до глубины души. Он не проявил ни капли жалости, но нашёлся тот, кто пожалел.

Се Тин Жи тут же выскочил вперёд и, ткнув пальцем в нос Сяо Юнь Фэну, закричал:

— Да ты бесстыжий человек! Присвоить чужое имущество тебе оказалось мало, ты ещё и узколобый, прирождённый завистник! А теперь ты ещё и силой грабишь — неужели только тогда, когда другие потеряют всё, ты, наконец, будешь спокоен?!

Сяо Юнь Фэн прищурился:

— Я уже сказал — дела семьи Сяо не для посторонних.

После этих слов большинство членов семьи за его спиной шагнули вперёд.

Се Тин Жи этого вовсе не заметил и продолжил громко кричать:

— Раз даже с девушкой способен говорить так грубо и без всякой учтивости, то ясно, что ты человек грубый и неразумный!

Се Тин Юэ: «...»

И впрямь бывают на свете такие слепцы, что сами стремятся навстречу смерти.

Не говоря уже о том, что он посторонний человек, который осмелился явиться на чужую землю, так ещё и ткнул главе рода в нос, чтобы обругать его — откуда у него такая наглость? А возьмём его поступок: заступиться за женщину, которая к тому же — чужая невеста, да ещё и в присутствии её жениха. О чём он вообще думал? Неужели он так сильно её любит, что готов защищать и её жениха? Неужели ему и вправду приятно носить зелёную шляпу*?

*П.п. Носить зелёную шляпу — быть рогоносцем.

И потом, разве трудно было оценить обстановку?

В мире тысячи родов, и главы у них бывают самые разные. Действительно, немало таких, кто исполнен эгоизма и во всём ищет только собственной выгоды — и таких особенно много. Но есть и такие, кто прям и честен, обладает добродетелью и принципами, для кого чувство ответственности превыше всего.

Се Тин Юэ встречал немало надёжных глав рода. Если в роду были старики, потерявшие детей, или дети, оставшиеся без родителей, калеки, не способные заботиться о себе, — все их поддерживали, и род выделял на это деньги. Вдовцам с детьми было проще устроиться — они могли снова жениться. А вот вдове с детьми жить гораздо труднее, и тогда род выделяет часть имущества в помощь — пока её сын не вырастет и не сможет содержать семью.

Он был здесь впервые и не знал всех подробностей, но, судя по выражениям лиц и словам, — уже можно было о многом догадаться.

Похоже, все люди рода поддерживают своего главу. Почему же никто не вставал на сторону Сяо Вэнь Шу?

Се Тин Юэ слегка склонил голову и заметил настороженное выражение у Цинь Пина, поэтому спросил:

— Ты тоже считаешь, что глава рода Сяо не прав?

Тот покачал головой, честно ответив:

— Я не знаю и думать об этом некогда. Я просто боюсь, как бы чего не случилось. Если вдруг выйдет беда, моя обязанность — защитить господина и госпожу.

Се Тин Юэ взглянул на Чу Му:

— А ты что думаешь?

Чу Му многозначительно улыбнулся:

— Чем сильнее кто-то стремится завладеть чужим имуществом и выгодой, тем больше он дорожит своей репутацией.

Чем подлее человек, тем больше любит он натягивать на себя мягкую овечью шкуру. Если уж и впрямь кто-то собирается отобрать чужое силой, то разве станет делать это так открыто? Непременно всё будет заранее тысячу раз обдуманно и взвешено. А вот так, как сейчас — «грабить силой» у всех на виду, даже дурак на такое не пойдёт.

Се Тин Юэ тоже улыбнулся:

— К тому же это имущество обременено чересчур большим риском, ещё не известно, удастся ли его прибрать к рукам.

Погода была ужасной, и бедствие была неминуемо. Сяо Юнь Фэн не был пророком, он просто принимал меры предосторожности. Даже он не был уверен, будет ли бедствие, но вот потери при перевозке яиц шелкопряда будут неизбежны. Если в такой момент «отнять силой», то вместо выгоды останется лишь пустота, словно набирать воду в плетёную бамбуковую корзину. Не то что настоящий торговец — даже ребёнок не согласится терпеть такой убыток.

Так что он почти уверился: Сяо Юнь Фэн всего лишь отважно рисковал ради шанса, а обвинения Сяо Вэнь Шу, пожалуй, были лишь его собственными пустыми домыслами.

И будь то учёба или сама жизнь, вовсе не у Сяо Юнь Фэна был внутренний узел*, а у самого Сяо Вэнь Шу.

*П.п. Внутренний узел или узел на сердце — затаённая обида, психологический комплекс, камень на сердце.

В домашних счетах таятся сомнительные следы, возможно, это связано с соляным путем, но пока это всего лишь догадки. А учитывая характер Сяо Юнь Фэна...

Се Тин Юэ рассудил, что в обращении с прямым и честным человеком, если будет ходить вокруг да около, то только выставит себя самого мелочным и отвратительным. Гораздо лучше выступить открыто и прямо.

К тому же об этом бедствии другие не знают, но он, заново проживающий жизнь, знает наверняка: с большой долей вероятности оно случится. Заранее говорить об этом бессмысленно, всё равно никто не поверит. А вот сделать что-то, чтобы бедствие принесло поменьше вреда, — ради этого как раз можно постараться.

Се Тин Юэ сделал шаг вперёд:

— Думаю, глава рода говорит разумно. Эти яйца шелкопряда действительно стоит перенести.

Ещё один посторонний!

Люди семьи Сяо разом притихли. Хоть они и не знали, кто он такой, но, видя, что он поддерживает главу, стерпели.

Сяо Юнь Фэн никак не отреагировал, лишь внимательно наблюдал.

Другие могли не знать Се Тин Юэ, но Се Тин Жи его знал. Увидев это, он буквально подпрыгнул от злости:

— Вместо того чтобы поддержать родного старшего брата, встаёшь на сторону чужака?!

Ты вообще на чьей стороне?

— Ты должен быть на моей стороне!

Се Тин Жи разъярился так сильно, что голос у него сорвался и стал тонким.

Се Тин Юэ едва заметно улыбнулся и ответил одним словом:

— Нет.